

Милован Джилас

БЕСЕДЫ
СО
СТАПИНЫМ

Милован Джилас
Беседы со Сталиным

«Центрполиграф»

Джилас М.

Беседы со Сталиным / М. Джилас — «Центрполиграф»,

Воспоминания известного политолога и публициста, бывшего вице-президента Югославии М. Джиласа – это непредвзятый взгляд опытного политика на события времен Второй мировой, на отношения России и Югославии. Автор, который неоднократно встречался и беседовал с Иосифом Сталиным, пытается пролить свет на прошлые события и воссоздает всесторонний портрет личности Сталина как знаковой фигуры мировой истории и крайне противоречивого человека. В книге множество малоизвестных фактов из жизни Сталина и его окружения, портреты известных исторических деятелей.

© Джилас М.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Милован Джилас

Беседы со Сталиным

Памяти Анеурина Бевана посвящается

Предисловие

Человеческой памяти свойственно отбрасывать все лишнее и хранить лишь то, что кажется наиболее важным в свете последних событий. Но это одновременно и слабая ее сторона. Предубежденность не может способствовать сопоставлению прошлых реальностей с нынешними необходимостями и надеждами на будущее.

Осознавая это, я постарался представить факты настолько точно, насколько это только возможно. И если на книге все же сказалось влияния моих нынешних взглядов, это не должно приписывать ни недоброжелательности, ни защите протагониста, а скорее отнести на счет характера самой памяти и моих попыток пролить свет на прошлые встречи и события на основе моих нынешних взглядов.

В этой книге не столь уж много такого, чего хорошо подготовленный читатель не знал бы из опубликованных мемуаров и другой литературы. Однако, поскольку событие становится более понятным и осязаемым, если оно объяснено с большими подробностями, я счел небесполезным тоже высказать свою точку зрения. Считаю, что люди и человеческие взаимоотношения важнее сухих фактов, поэтому и уделил им больше внимания. И если в этой книге есть нечто такое, что можно было бы назвать литературным, это тоже следует в меньшей степени приписывать моему стилю выражения, нежели моему желанию сделать предмет описания более привлекательным, ясным и соответствующим истине.

Когда я работал над своей автобиографией, мне в 1955-м или 1956 году пришла в голову мысль выделить мои встречи со Сталиным в отдельную книгу, которую можно было опубликовать быстро и самостоятельно. Но я оказался в тюрьме, и, пока находился в заключении, мне не было удобно заниматься такого рода литературной деятельностью, поскольку, хотя моя книга и имела отношение к прошлому, она не могла не оказать отрицательного влияния на текущие политические отношения.

Только после освобождения из тюрьмы в январе 1961 года я вернулся к своей старой идее. Конечно, на этот раз, ввиду изменившихся обстоятельств и эволюции моих собственных взглядов, пришлось по-другому подходить к данному предмету. С одной стороны, мне надо было уделить большее внимание психологическим, человеческим аспектам исторических событий. Более того, оценки Сталина остаются противоречивыми, а его образ по-прежнему настолько ярк, что я счел необходимым предложить в конце собственные выводы об этой действительно загадочной личности, основанные на личных наблюдениях и опыте.

Более всего я руководствуюсь внутренним чувством необходимости не оставить недосказанным ничего такого, что может представлять важность для тех, кто пишет историю, и в особенности для тех, кто стремится к более свободному человеческому существованию. В любом случае и читатель, и я должны испытывать чувство удовлетворения оттого, что правде не был причинен ущерб, даже если она окутана моими собственными чувствами и суждениями. Потому что мы должны осознавать, что правда о людях и человеческих отношениях, какой бы полной она ни была, никогда не может быть чем-то иным, чем правда о конкретных личностях, которые остаются личностями и на данное время.

Белград, ноябрь 1961 г.

Глава 1 Восторги

1

Первая иностранная военная миссия, прибывшая к Верховному командованию Армии народного освобождения и партизанских отрядов Югославии, была британской. Она высадилась на парашютах в мае 1943 года. Советская миссия прибыла девять месяцев спустя – в феврале 1944 года.

Вскоре после прибытия советской миссии встал вопрос о посылке югославской военной миссии в Москву, в особенности потому, что миссия такого рода уже была назначена к соответствующему британскому командованию. В Верховном командовании, то есть среди членов Центрального комитета Коммунистической партии Югославии, в то время работавших в штабе, возникло пылкое желание послать миссию в Москву. Я полагаю, что Тито в устной форме привлек к нему внимание главы советской миссии генерала Корнеева; однако совершенно ясно, что вопрос окончательно был решен телеграммой советского правительства. Посылка миссии в Москву имела для югославов множество значений, сама же миссия была иного характера и имела совершенно другую цель по сравнению с той, которая была поставлена перед миссией, приписанной к британскому командованию.

Как известно, именно Коммунистическая партия Югославии организовала партизанское и повстанческое движение против германских и итальянских оккупационных сил в Югославии и внутренних коллаборационистов. Решая свои национальные проблемы путем самых жестоких приемов ведения войны, она продолжала считать себя членом международного коммунистического движения, чем-то неотделимым от Советского Союза – родины социализма. На протяжении всей войны самый сокровенный внутренний орган партии, политическое бюро, больше известный в народе под сокращенным названием – политбюро, поддерживал связь с Москвой по радио. Формально это была связь с Коммунистическим интернационалом – Коминтерном, – но в то же время это означало также и связь с Советским правительством.

Вызванные войной особые условия и сохранение революционного движения в ряде случаев уже приводили к недоразумениям с Москвой. Среди наиболее значительных я бы отметил следующие.

Москва никогда не могла понять реальностей революции в Югославии, то есть того факта, что в Югославии наряду с сопротивлением оккупационным силам одновременно происходила внутренняя революция. В основе этого неверного представления лежало опасение советского правительства, что западные союзники, главным образом Великобритания, могут возмутиться тем, что оно использует трудности войны в оккупированных странах для распространения революции и своего коммунистического влияния. Как часто бывает в случае с новыми явлениями, борьба югославских коммунистов не согласовывалась с установившимися взглядами и бесспорными интересами советского правительства и государства.

Не осознавала Москва и особенностей военных действий в Югославии. Независимо от того, насколько борьба югославов вдохновляла не только военных – которые сражались за то, чтобы уберечь российский национальный организм от вторжения германских нацистов, – но и официальные советские круги, последние тем не менее недооценивали эту борьбу, сравнивая ее лишь со своими собственными партизанами и своими же собственными методами ведения войны. Партизаны в Советском Союзе были вспомогательной, побочной силой Красной армии, и они никогда не превратились в регулярную армию. На основании своего собственного опыта

советские руководители не могли понять, что югославские партизаны способны превратиться в армию и в правительство и что со временем они обретут индивидуальность и интересы, которые отличаются от советских, – короче говоря, свой собственный образ жизни.

В этой связи мне кажется очень значительным, возможно даже решающим, один инцидент. В ходе так называемого четвертого наступления, в марте 1943 года, состоялись переговоры между Верховным командованием и германским командованием. Предметом переговоров был обмен пленными, но суть их заключалась в том, чтобы немцы признали права партизан как воюющей стороны для того, чтобы прекратить убийства раненых и пленных с обеих сторон. Это происходило в то время, когда Верховное командование, большая часть революционной армии и тысячи наших раненых оказались в смертельной опасности и нам была необходима любая передышка. Москву пришлось проинформировать об этом, но мы вполне хорошо понимали – Тито потому, что он знал Москву, а Ранкович скорее инстинктивно, – что лучше об этом не говорить Москве всё. Москву просто информировали о том, что мы ведем переговоры с немцами об обмене ранеными.

Однако в Москве даже не попытались представить себе наше положение, но засомневались в нас – хотя уже пролились реки крови – и ответили очень резко. Припоминаю – это произошло на мельнице у реки Рамы накануне нашего прорыва через Неретву в феврале 1943 года, – как на все это отреагировал Тито: «Наш первый долг состоит в том, чтобы заботиться о своей собственной армии и своем собственном народе».

Это было впервые, когда все в Центральном комитете открыто выразили свое несогласие с Москвой. Также впервые был нанесен удар по моему собственному сознанию не безотностительно от слов Тито о том, что такое несогласие было существенно важно, если мы хотим выжить в этой борьбе не на жизнь, а на смерть между двумя противоположными мирами.

Другой пример относится к случаю в Яйце на второй сессии антифашистского совета, где были приняты резолюции, которые фактически представляли собой законодательство о новом социальном и политическом порядке в Югославии. В то же время там был сформирован Национальный комитет, который должен был действовать в качестве временного правительства Югославии. В ходе подготовки этих резолюций во время заседаний Центрального комитета Коммунистической партии была занята позиция, в соответствии с которой Москву не следует информировать об этом, пока все не будет закончено. Из предыдущего опыта отношений с Москвой и знакомства с ее пропагандистской линией мы знали, что она будет не способна это понять. И действительно, реакция Москвы на эти резолюции была до такой степени негативной, что некоторые их части даже не были переданы радиостанцией «Свободная Югославия», которая располагалась в Советском Союзе для обслуживания потребностей движения Сопротивления в Югославии. Таким образом, Советское правительство не смогло понять самый важный акт югославской революции, а именно – то, что она придавала этой революции новый порядок и выводила ее на международную арену. Лишь после того, как стало очевидным, что Запад с пониманием отреагировал на резолюции в Яйце, Москва изменила свою позицию таким образом, чтобы она отвечала реальностям.

Тем не менее югославские коммунисты, несмотря на всю горечь своего опыта, значение которого они смогли осознать только после разрыва с Москвой в 1948 году, несмотря на различия в образах жизни, рассматривали себя идеологически связанными с Москвой и считали себя наиболее последовательными сторонниками Москвы. Хотя жизненно важные революционные и другие реальности все полнее и непримиримее отделяли югославских коммунистов от Москвы, они рассматривали эти самые реальности, особенно успехи в революции, как доказательство своих связей с Москвой и с идеологическими программами, которые она предписывала. Потому что для югославов Москва была не только политическим и духовным центром, но и воплощением абстрактного идеала – «бесклассового общества» – нечто такое, что не только

делало их жертвы и страдания легкими и приятными, но и оправдывало само их существование в собственных глазах.

Югославская коммунистическая партия была не только идеологически едина с советской, но лояльность по отношению к советскому руководству была одним из существенно важных элементов ее развития и деятельности. Сталин был не только неоспоримым гениальным лидером, он был олицетворением самой идеи и мечты о новом обществе. Это идолопоклонство перед личностью Сталина, как и более или менее перед всем в Советском Союзе, приняло иррациональные формы и масштабы. Любое действие Советского правительства – например, нападение на Финляндию, – каждая негативная черта в Советском Союзе – например, суды и чистки – защищались и оправдывались. Еще более странным представляется то, что коммунистам удалось убедить себя в правильности и допустимости подобного рода действий и изгнать из своих мыслей неприятные факты.

Среди нас, коммунистов, были люди с развитым эстетическим сознанием, хорошо знакомые с литературой и философией, и тем не менее мы были полны энтузиазма не только в отношении взглядов Сталина, но также в отношении «совершенства» их формулировки. Я сам в дискуссиях много раз указывал на кристальную ясность его стиля, проникающую силу его логики, гармоничность его комментариев, как будто они были выражением самой высшей мудрости. Но даже тогда мне не было бы трудно, сравнив его с любым другим автором подобных же качеств, определить, что стиль его был бесцветным, бедным по содержанию, своего рода беспорядочной смесью вульгарной журналистики и библии.

Порой идолопоклонство принимало смехотворные масштабы: мы всерьез верили, что война закончится в 1942 году, потому что так сказал Сталин, а когда этого не произошло, его пророчество было забыто, а сам пророк не утратил ничего из своего сверхчеловеческого могущества. Фактически то, что произошло с югославскими коммунистами, – это то же самое, что происходило со всеми на протяжении долгой истории человечества, с теми, кто подчинял свою индивидуальную судьбу и судьбу человечества исключительно одной идее: они подсознательно описывали Советский Союз и Сталина в выражениях, которые были необходимы для их собственной борьбы и ее оправдания.

Соответственно, югославская военная миссия отправилась в Москву с идеализированными представлениями о Советском правительстве и Советском Союзе, с одной стороны, и со своими собственными практическими нуждами – с другой. Внешне она напоминала миссию, которая была направлена к британцам, но по составу и концепции она фактически обозначала неформальные узы с политическим руководством, имеющим идентичные взгляды и цели. Проще говоря, миссия должна была носить как военный, так и партийный характер.

2

Итак, было не случайно, что вместе с генералом Велимиром Терзичем Тито назначил членом миссии меня в прежнем качестве высокого партийного функционера. (К тому времени я на протяжении нескольких лет был членом внутреннего партийного руководства.) Другие участники миссии были отобраны подобным же образом из числа партийных и военных функционеров, и среди них был один специалист в области финансов. Миссия также включала в себя физика-атомщика Павле Савича, перед которым была поставлена цель продолжать его научную работу в Москве. С нами был также Антун Аугустинчич, скульптор, которому дана была передышка от тягот войны, чтобы он мог продолжать заниматься своим творчеством. Все мы, конечно, были одеты в форму. Я был в чине генерала. Полагаю, что меня выбрали отчасти потому, что хорошо знал русский язык – я выучил его в тюрьме в предвоенные годы, – и отчасти по той причине, что раньше я никогда не бывал в Советском Союзе и, таким образом, не был обременен никаким фракционным или уклонистским прошлым. Ни один из участников миссии также никогда не был в Советском Союзе, но никто из них не владел хорошо русским.

Было начало марта 1944 года.

Несколько дней ушло на сбор участников миссии и их снаряжение. Наша форменная одежда была старой и разноцветной, а поскольку не было материала, новую пришлось перешивать из обмундирования взятых в плен итальянских офицеров. Нам также были нужны паспорта для проезда через британскую и американскую территории, и в спешном порядке они были напечатаны. Это были первые паспорта нового Югославского государства, и на них стояла личная подпись Тито.

Почти стихийно возникло предложение послать подарки Сталину. Но какие и откуда? Верховное командование располагалось тогда в Дрваре, в Боснии. Искать было негде, нас со всех сторон окружали опустошенные деревни и разграбленные, покинутые населением небольшие городки. Тем не менее решение было найдено: подарить Сталину одно из ружей, сделанных на партизанской фабрике в Южице в 1941 году. Найти его оказалось довольно трудно. Потом начали поступать подарки из деревень: кисеты, полотенца, крестьянская одежда, обувь. Мы отбирали из этого самое лучшее – сандалии из недубленой кожи и другие вещи, которые были настолько же убогими и примитивными. Мы пришли к заключению, что нам следует взять их, поскольку они являлись символами доброй воли народа.

Перед миссией стояла цель договориться о советской помощи Армии народного освобождения Югославии. В то же время Тито обязал нас добиться через Советское правительство или по другим каналам помощи освобожденным районам Югославии со стороны администрации ООН по вопросам помощи и восстановления. Мы должны были попросить у Советского правительства заем на двести тысяч долларов, чтобы покрыть расходы на наши миссии на Западе. Как подчеркнул Тито, мы заявляем, что выплатим эту сумму, как и стоимость помощи оружием и медикаментами, когда страна будет освобождена. Миссия должна была взять с собой архивы Верховного командования и Центрального комитета Коммунистической партии.

Важнее всего было то, что ей предстояло прозондировать Советское правительство в отношении возможности признания им Национального комитета в качестве законного временного правительства и заполучения советского влияния на западных союзников в этом направлении. Миссии предстояло поддерживать связь с Верховным командованием через советскую миссию, и она могла также пользоваться старым каналом Коминтерна.

Помимо этих задач миссии, Тито возложил на меня обязанность выяснить у Димитрова или у Сталина, если я смогу до него добраться, есть ли какая-нибудь неудовлетворенность работой нашей партии. Это распоряжение Тито было чисто формальным – привлечь внимание к нашим дисциплинированным отношениям с Москвой, – потому что он полностью был

убежден, что Коммунистическая партия Югославии прошла испытание блестяще, если не сказать уникально. Состоялась также некоторая дискуссия по вопросу о политических эмигрантах (коммунистах, которые до войны уехали в Россию). Позиция Тито заключалась в том, что мы не будем ввязываться во взаимные обвинения с этими эмигрантами, в особенности в тех случаях, если у них есть что-то общее с советскими органами и официальными лицами. В то же время Тито подчеркнул, что мне следовало остерегаться секретарш, потому что среди них были разные, что, как я понял, означало, что мы должны были не только оберегать традиционную партийную мораль, но и избегать всего, что могло бы представлять опасность для репутации и индивидуальности югославской партии и югославских коммунистов.

Все мое существо трепетало от радостного предвкушения предстоящей встречи с Советским Союзом, страной, которая была первой в истории (в этом я был убежден твердокаменно), придавшей смысл мечтам прорицателей, страданиям мучеников, решимости воинам, и потому что я тоже томился и подвергался пыткам в тюрьмах, я тоже ненавидел, я тоже проливал человеческую кровь, не щадя даже крови моих собственных братьев.

Но была и печаль – нелегко покидать товарищей в разгар битвы, свою страну, которая вела смертельную борьбу и превратилась в одно огромное поле сражений и дымящихся руин.

Мое расставание с советской миссией было более сердечным, чем обычно были встречи с ее участниками. Я обнял своих товарищей, которые были так же тронуты, как и я, и отправился на импровизированный аэродром неподалеку от Босански-Петроваца. Там мы провели целый день, инспектируя аэродром, который уже имел вид и свойства установившейся службы, беседуя с его персоналом и с крестьянами, которые уже привыкли к новому режиму и к мысли о неизбежности его победы.

Недавно по ночам здесь регулярно приземлялись британские самолеты, хотя и в небольшом количестве – самое большее два-три за одну ночь. Они перевозили раненых и случайных путешественников, привозили поставки, чаще всего медикаменты. Недавно один самолет даже доставил джип – подарок британского командования Тито. Месяцем раньше ровно в полдень на этом самом аэродроме приземлилась советская миссия на самолете, оборудованном лыжами. Учитывая рельеф местности и другие обстоятельства, это было настоящим подвигом. Это также было необычным парадом ввиду довольно значительного эскорта британских истребителей.

Я тоже считал снижение и последующий взлет моего самолета настоящим подвигом. Самолету пришлось на малой высоте лететь над островерхими скалами, чтобы совершить посадку на узкой и неровной полосе льда, а после опять взлетать.

Какой же печальной и погруженной в темноту была моя земля! Горы бледны от снега, изрезаны черными расщелинами, а долины погружены во мрак – ни одного даже тусклого огонька до самого моря и дальше. А внизу, на земле, которая привыкла к ходу и дыханию войны и сопротивления, шла война, более ужасная, чем какая-либо раньше. Народ схватился с захватчиками в то время, как братья убивали друг друга в еще более жестокой гражданской войне. Когда же огни вновь осветят деревни и города на моей земле? Обретет ли она радость и спокойствие после всех этих смертей и ненависти?

Наша первая остановка была в Бари, в Италии, где находилась значительная база югославских партизан – госпитали и склады, продовольствие и материальная часть. Оттуда мы летели в направлении Туниса. Нам приходилось лететь окольным маршрутом из-за германских баз на Крите и в Греции. По пути мы сделали посадку на Мальте в качестве гостей британского командующего и на ночь прибыли в Тобрук как раз вовремя для того, чтобы увидеть все небо, облизуемое мрачным огнем, который поднимался от красной каменистой пустыни внизу.

На следующий день мы прибыли в Каир. Британцы разместили нас в гостинице и предоставили в наше распоряжение автомобиль. Торговцы и служащие принимали нас за русских из-за пятиконечных звезд на наших фуражках, но было приятно узнать, что, как только мы

вскользь говорили, что мы югославы, или упоминали имя Тито, они были в курсе нашей борьбы. В одном магазине нас приветствовали скверными словами на нашем языке, которому девушка-продавщица невинно научилась у офицеров-эмигрантов. Группа тех же самых офицеров, охваченных жадой бороться и тоской по своей страдающей родине, высказалась в поддержку Тито.

Узнав, что руководитель администрации ООН по вопросам помощи и восстановления Леман находится в Каире, я попросил советского посланника организовать мне с ним встречу, чтобы изложить ему наши просьбы. Американец принял меня незамедлительно, но холодно, заявив, что наши просьбы будут рассмотрены на следующем заседании администрации ООН по вопросам помощи и восстановления и что администрация принципиально имеет дело только с законными правительствами.

Мое примитивное и не подвергаемое сомнению представление о западном капитализме как о непримиримом враге всего прогрессивного, небольших и угнетенных народов нашло себе подтверждение уже в первой же встрече с его представителем: я отметил, что господин Леман принял нас лежа, потому что нога у него была в гипсе, и это, а также жара явно его угнетали, что я воспринял как раздражение по поводу нашего визита, а его переводчик на русский язык – гигантский мужчина с грубыми чертами – был для меня самым олицетворением головореза из ковбойского фильма. Тем не менее у меня не было причин остаться неудовлетворенным от этого визита к любезному Леману: наша просьба была представлена на рассмотрение, и мы получили обещание о том, что она будет рассмотрена.

Мы воспользовались преимуществами нашего трехдневного пребывания в Каире, осмотрев исторические места, и, поскольку в Каире был первый руководитель британской миссии в Югославии майор Дикин, мы также были гостями на устроенном им обеде в узком кругу.

Из Каира мы направились на британскую базу в Хаббании, недалеко от Багдада. Британское командование отказалось взять нас в Багдад на том основании, что это не было вполне безопасно, а мы это восприняли как сокрытие колониального терроризма, который, как мы полагали, не менее радикален, чем оккупация Германией нашей страны. Вместо этого британцы пригласили нас на спортивное соревнование своих солдат. Мы поехали, и места у нас были рядом с командующим. Мы выглядели смешно даже для самих себя, не говоря уже о вежливых и беззаботных англичанах, затянутых, как и мы, ремнями и застегнутых до кадыка.

Нас сопровождал майор, веселый и добродушный малый, который все время извинялся за плохое знание русского языка – он учил его, когда англичане предприняли интервенцию в Архангельске во время русской революции. Он был полон энтузиазма в отношении русских (их делегация тоже остановилась на базе в Хаббании) не в связи с их социальной системой, но в связи с простотой, а главное, со способностью выпивать одним залпом огромные стаканы водки или виски «за Сталина, за Черчилля!».

Майор спокойно, но не без гордости рассказывал о боях с местными жителями, спровоцированных немецкими агентами, и действительно, ангары были изрешечены пулями. Мы со своим доктринерством не могли понять, как это было возможно или тем более рационально приносить себя в жертву «во имя империализма» – именно так мы расценивали борьбу Запада, – но про себя восхищались героизмом и храбростью англичан, которые шли навстречу опасности и побеждали в отдаленных и выжженных солнцем азиатских пустынях, будучи настолько малочисленными и не имея никакой надежды на помощь. Хотя в то время я не мог делать далеко идущих выводов, это, безусловно, способствовало пониманию мной в дальнейшем того, что не существует какого-то только одного идеала, но что на нашей земле есть бесчисленные – равные по значению – человеческие системы.

Мы испытывали подозрение по отношению к англичанам и сторонились их. Наши опасения были особенно сильны из-за нашего примитивного представления об их шпионском ведомстве – Интеллидженс сервис. Позиция наша состояла из смеси доктринерских клише,

воздействия сенсационной литературы и тревоги, свойственной новичкам в большом и широком мире.

Конечно, эти опасения были бы не столь велики, если бы не мешки, набитые архивами Верховного командования, потому что в них была и телеграфная переписка между нами и Коминтерном. Мы также считали подозрительным то, что британские военные власти повсюду проявляли к этим мешкам не больше интереса, чем если бы в них были башмаки или консервные банки. Конечно, на протяжении всей поездки я держал их при себе, а чтобы мне не оставаться одному по ночам, со мной спал Марко. Он с довоенных времен был коммунистом из Черногории, человеком простым, но зато храбрым и лояльным.

Как-то ночью в Хаббании кто-то тихо открыл дверь в мою комнату. Я проснулся, хотя дверь даже не скрипнула. При свете луны я рассмотрел фигуру местного жителя и, запутанный в сетку от москитов, закричал и схватился за лежавший под подушкой пистолет. Вскочил Марко (он спал полностью одетым), но незнакомец исчез. По всей вероятности, этот местный житель заблудился или намеревался что-нибудь украсть. Но этого незначительного эпизода оказалось достаточно для того, чтобы мы увидели в нем длинную руку британского шпионского ведомства и усилили и без того высокую бдительность. Мы были очень рады, когда на следующий день англичане предоставили в наше распоряжение самолет на Тегеран.

Тегеран, по которому мы передвигались от советского командования до советского посольства, был уже частью Советского Союза. Советские офицеры встречали нас с непринужденной сердечностью, в которой к традиционному русскому гостеприимству примешивалась равная доля солидарности борцов за одни и те же идеалы в двух разных частях мира. В советском посольстве нам показали круглый стол, за которым сидели участники Тегеранской конференции, а также комнату наверху, в которой останавливался Рузвельт. Сейчас в ней никого не было, и все оставалось так, как было, когда он покинул ее.

Наконец советский самолет доставил нас в Советский Союз – воплощение нашей мечты и надежд. Чем глубже мы проникали в его серо-зеленые просторы, тем больше меня охватывало новое, до тех пор едва ли осязаемое чувство. Как будто я возвращался на первозданную родину, незнакомую, но мою.

Мне всегда были чужды какие-либо панславянские чувства, и в то время я считал панславянские идеи Москвы не чем иным, как маневром с целью мобилизации консервативных сил против германского вторжения. Но это мое чувство было совершенно новым и более глубоким, выходящим даже за пределы моей приверженности коммунизму. Я смутно припоминал, как на протяжении трех столетий югославские мечтатели и бойцы, государственные деятели и монархи, в особенности неудачливые правители-епископы многострадальной Черногории, совершали паломничества в Россию и искали там понимания и спасения.

Не шел ли и я по их пути? И не была ли эта страна родиной наших предков, которых какая-то неведомая лавина занесла на незащищенные от ветра Балканы? Россия никогда не понимала южных славян и их чаяний; я был убежден, что причина была в том, что Россия была царской и феодальной страной. Однако намного более глубокой была моя вера в то, что наконец-то все социальные и другие причины разногласий между Москвой и другими народами устранены. В то время я смотрел на это как на воплощение всеобщего братства, а также как на мою личную связь с сущностью доисторического славянского сообщества. Не была ли эта страна родиной не только моих предков, но также и воинов, отдавших свои жизни за конечное братство людей и конечное господство человека над вещами?

Я слился с волнами Волги и безграничными серыми степями и вдруг обнаружил самого себя первозданного, исполненного неведомых до того внутренних порывов. Мне захотелось поцеловать русскую землю, советскую землю, на которую я ступил, и я бы поступил так, если бы это не могло показаться религиозным и, более того, театральным жестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.